

and so θ is false.
and 2π , $\cos \theta = \sin \theta$
Retraces its steps.

Вадим Векслер

Жизнь как она есть

Вадим Векслер
Жизнь как она есть.
Сбоник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29608176
SelfPub; 2018*

Аннотация

Ум современным обществом не востребован. Необходимы покорность и лояльность – лишь они ведут пусть к локальному, но успеху. Выделяться из серой прокрустовой массы опасно – так агрессивно она пытается отрезать любые выпирающие элементы. Но, безусловно, есть убойное оправдание для развития ума, от которого, как известно, одно только горе. Безусловно – есть. Может быть, я его просто не нахожу... Содержит нецензурную брань.

На собеседовании

Основано на реальных событиях.

Не рекомендуется смешивать с алкоголем.

Может вызвать ложную беременность.

– Это ваша автобиография?

– Н-да...

– Вы всегда настолько откровенны и хм... многословны?

– Вы же просили подробно и без обмана.

– Действительно. Но... у всего же есть свои пределы! Пожалуйста, слушайте сами, что вы тут понаписали:

«...особенно не удаются мне отношения с животными и растениями. Коты гадят – где хотят, и постоянно орут, чем-то недовольные. Цветы и хвойникидохнут в первые месяцы после покупки. Кактусы при одинаковом поливе умудряются одновременно: один сгнить, а другой – засохнуть...»

– Но это – чистая правда, я не понимаю, как: я же поливал одинаково, а они...

– Замолчите, пожалуйста, не перебивайте!

– Молчу, молчу.

– Так, на чем я остановился, а... вот:

«...дружба с техникой – эпохальная вершина моих контактов с внешним миром. У меня ломалось всё: от компьютеров до газовых колонок; от видеомэгафонов и аудио-

плееров до сложноструктурированной системы в бачке унитаза. Покупка новых агрегатов ничего не меняет – срок их жизни удручающе краток, а само существование ужасающе трагично...»

– Я честно предупредил, что меня нельзя подпускать к офисной технике!

– И в туалет вам запретить?

– Я потерплю. Я привычный.

– Допустим. Но дальше-то уже ни в какие ворота! Смотрите:

«...навыки социального общения – ниже прожиточного минимума. На необитаемом острове после авиакатастрофы меня сожрали бы первым. А я бы и не удивился: принял достойно, предложил поперчить хорошенько, подозреваю, что я п...дец какой невкусный...»

– Признаю, с матерщиной перебор, просто я пи... просто я несдержанный и легковозбудимый немного.

– Немного... Читаем дальше:

«Я – социальный сирота. Родители отказались от меня в детстве. Друзей с тех пор не завел. Жены нет, детей нет, думаю, что и не надо – зачем мучить невинные души сожительство с ходячей катастрофой...» Это вообще что такое? Мы же на работу вас принимаем! Где сведения о трудовом стаже?

– Я однажды работал на атомной электростанции инспектором по безопасности...

– Как Гомер Симпсон?

– Нет, в Чернобыле.

– Вы издеваетесь?

– У меня сложное чувство юмора. Шутки хорошие, но доходят не сразу. Иной раз вернется коллега домой вечером после долгого трудового дня, измученный, опустошенный, и давай хохотать в лицо жене, или того хуже – теще!

– Про отношения ваши с женщинами... э, с женщиной пересказывать?

– Там есть чудные места!

– В автобиографии? Неужто?

– Нет, у той дамы... как сейчас помню: попытался я снять с нее...

– О Боже! Когда это закончится?! Обед еще не скоро?

– Вы кушайте, я подожду.

– Нет уж, давайте покончим с этим! Так... ах, вот, единственная строчка про работу:

«Уволен из Макдоналдса с позором» – это как вообще возможно?

– Вы, наверное, помните тот случай с массовым отравлением?

– О Боже, нет!

– А получилось как: я открывал пакет с чистящим порошком, жутко едкая дрянь, я вам доложу, так вот – а он взорвался, хлопнул прямо у меня в руках. Порошок вылетел облаком и осел во фритюрнице. А повар не заметил и сунул

туда решетку с картошкой. Ну, а я как-то постеснялся его прерывать. Человек всё-таки трудится...

– Я вас уже ненавижу. Ладно, дальше. Служба в армии:

«...из-за меня чуть было не началась третья мировая...»

– это не интересно... где ж тут было... а, вот: *«...однажды пошли мы на стрельбы, а с огнестрельным оружием у меня сразу как-то не задалось...»* Будто бы с чем-то другим задалось! В общем, далее следует холодящая душу сцена с несчастным случаем и инвалидностью молоденького лейтенанта...

– Бедный мальчик! Недавно видел его в переходе метро с губной гармошкой. Обычную-то уже не...

– Вы вообще понимаете, куда вы пришли устраиваться на работу?!

– В милицию.

– В полицию!

– Да, да, всё время забываю.

– И вы к моему глубочайшему сожалению соответствуете всем критериям сотрудника полиции! И у меня нет законных оснований вам отказать! Я просто вынужден принять вас на работу. Пожалуйста, если в вас осталось хоть что-то святое, откажитесь сами! Вы же знаете – что о нас и так говорят! А тут еще вы!

– Я бы с радостью, там – святое, все дела... Но – кушать очень хочется. А с таким послужным списком никуда, кроме ментовки, не берут, к сожалению. Так что, будьте любезны,

придется вам немного потерпеть! А там со мной непременно само что-нибудь случится!

V.V.

2016

Доброволец

Война с турками непременно должна быть. «Убили моего дядю, так вот вам по морде!» Война будет, это как пить дать. Сербия и Россия в этой войне нам помогут. Будет драка!

Ярослав Гашек «Швейк»

Кузьмич вышел на крыльцо и сладко потянулся. Глубоко вдохнул свежий утренний воздух, с сомнением взглянул на сжатую в руке папиросу, но всё же закурил. Задумчиво сделал шаг, затем другой и таким нехитрым способом незаметно подобрался вплотную к невысокому забору; удивился этому неожиданному препятствию на пути, но тут же навалился сверху немилосердно, так что под ним скрипнуло, хрустнуло и крякнуло.

– Жить можно, – непонятно насчет чего резюмировал он.

Весь вид его в этот час: добрый прищур ласковых глаз, модная суровая мужицкая небритость, расслабленная миролюбивая поза – всё это прямо располагало к легкому ненавязчивому общению. Мимо по окольной тропинке как раз

проходила Петровна.

– Далёко в таком наряде? – закинул удочку Кузьмич, придиричивым взглядом снизу вверх осмотрев молодящуюся соседку.

Петровна оправила красочное платье.

– К уряднику.

– По поводу младшего? – уверенно предположил Кузьмич.

– Хулиганит! Машкину избу матерными словами исписал, а ворота дегтем выкрасил! – по ее тону не было понятно, осуждает она поступок сына или неотчетливо одобряет инсталляцию.

– Видно, не просто так, – задумался Кузьмич. – Что-то он имеет в виду, жаль не говорит совсем – объяснить не может.

– Это после проруби у него. До того как нырнул – балаболлил как проповедник, не заткнешь. А после водицы ледяной, как откачали – молчит, волчонком смотрит.

– Горе, Петровна, – приуныл Кузьмич.

– Да уж привыкли... А старший-то наш! – вдруг вскинулась она, – на голову совсем слабенький стал! Вот пошел – в солдаты записался!

– Добровольно?

– Ох...

– Как же его угораздило?

– Уж и не знаю! Всегда такой смиреннький был... А тут: дневники Достославского какого-то начитался...

– Может – Достоевского? – перебил подкованный в самых неожиданных сферах Кузьмич.

– Во-во, его, окаянного! Украл что ль где? И сказал: «Мать, все лучшие люди в Болгарию едут. Пойду и я турка стрелять».

– Так и сказал?

– Говорю ж – кретин!

Простецкое лицо Кузьмича вдруг поумнело, будто он неожиданно для себя смекнул что-то важное. Он тут же уверенно выдал:

– Ну, ежели кретин – тогда, полагаю, в драгуны должны взять непременно! Гордость родителям, радость отчизне! Успокойся, Петровна: там таких ребят любят. Главное, чтоб на голову каска налезла. И это с основным содержимым данного объекта, к счастью, никоим образом не связано. Шашки наголо и вперед! – Кузьмич в немой секундной пантомиме изобразил атаку драгунов.

Тем временем мимо уверенной походкой от бедра прошествовала опозоренная Машка. Петровна наметанным глазом определила длину юбки и сплюнула. Кузьмич, наоборот, немного плотоядно сглотнул.

– Так что ж – вещички собирать? – вернулась к наиболеешему Петровна, лишь только Машка скрылась за околицей.

– Ты погоди, погоди, он же добровольцем идет? – Кузьмич что-то рассчитал в уме. – Это, значит, вольноопределяющиеся, так их после реформы кличут. В коннице они на само-

обеспечении. Есть у него источники дохода?

Петровна лишь рукой махнула.

– Стало быть, остаются только пехотные полки. В окоп засунут по шею, – Кузьмич характерным движением провел ребром ладони по горлу, – одна только непутевая башка над полем торчит, глазенками хлопает. А турок бьет метко...

– Батюшки святы! Так что ж делать-то?

– Я бы предложил запереть его в бане или подполе, но материнское сердце не железное: а вдруг он выть начнет? Так сразу и отопрешь...

– Я неволить его не стану.

– Тогда собирай вещички потеплее. В окопах – ох как неприятно пальцы обмороженные отрезать...

– Так тепло же на югах! – ещё цеплялась за последнюю соломинку Петровна.

– Если на Кавказский театр военных действий закинут – то в горах снега по колено. Опять же с медициной полевой у нас не особо, – Кузьмич зацокал языком. – Если ранение какое – хирург долго возиться не станет, оттяпает поврежденную конечность во избежание гангрены да антонова огня и всех делов! Ещё и хоронить придется сепаратно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.